

В 1934 году в Москве выходит книга «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина». М. Горький пишет к ней предисловие под названием «Правда социализма». С трудом укладывается в нашем сознании сегодня все то, о чем статья.

В ней Горький приветствует процесс «массового превращения бывших врагов пролетариата — диктатора и советской общечеловечности в квалифицированных сотрудников рабочего класса и даже в энтузиастов государственно необходимого труда». Пишет о покорении «враждебной людям природы», о том, что введенная ГПУ исправительно-трудовая политика блестяще оправдывает себя, о мещанстве и профессиональном чванстве как препятствиях на пути воспитания нового человека... О чем угодно, но только не о реальных трагедиях тысяч и тысяч людей.

Писатель с гигантским жизненным и профессиональным опытом, он совершенно не замечает разительных противоречий в примерах человеческих судеб, которые приводит в статье. В одном случае это исповедь бывшего «кулака», чье хозяйство страдало и от белых, и от красных, и от немцев. Но в годы нэпа он все равно восстановил все хозяйство. «В 1929 году оказалось, что я Советской власти противник, враг». Так попал он на строительство канала. Где русский человек не приживется? Плотник, он прижился и здесь, стал обучать ремеслу других. Вывод? «Плотничья работа — спокойнее, а к земле — не вернусь, в колхозе я — не работник, а на какой-нибудь своей десятине — тоже радости не найдешь, лучше в носе пальцем ковырять».

Выразительнейший и горестный пример того, как происходило отчуждение крестьянина от земли, его раскрестьянивание. Но писатель, увлеченный построением своей концепции, не видит этого.

Считалось, что канал создан руками «преступных элементов» — воров, проститут, спекулянтов, перековывавшихся в процессе коллективного труда под уверенным и квалифицированным руководством ГПУ. Если бы так! Увы, среди канальщиков было и немало замечательных представителей интеллигенции, вся вина которых состояла только в том, что природа наделила их выдающимся интеллектом, а их мысль двигалась собственными путями познания. К числу таких «перековывающихся» принадлежали, например, и филолог Лосев, труды которого о культуре античности составляют ныне гордость советской науки, и выдающийся философ и богослов Флоренский, сполна познавший, что такое «власть соловецкая», и выдающийся — в будущем — деятель русской культуры Дмитрий Лихачев.

Великий писатель Горький и эзк Лосев могли встретиться в 1933 году на строительстве Беломорканала, во время писательской экскурсии по каналу. Однако заочная их встреча произошла несколько раньше, 12 декабря 1931 года, когда Горький в статье «О борьбе с природой» довольно пространно высказался о Лосеве. Вот отрывок из этой статьи:

«Среди буржуазных «мыслителей» есть группа особенно бесстыдных лицемеров, их ремесло — сочинять книги о великих заслугах христианства в истории культуры, причем они забывают о поразительном изумлении церкви Христовой,

непрерывной пропаганде ею ненависти ко всем инноваторам, о сатанизме ее бесчисленных инквизиторов, забывают о неисчислимых ужасах «религиозных» войн, о том, что эта церковь осыпала рабство и крепостное право... В рукописной копии нелегальной брошюры профессора философии Лосева «Дополнение к диалектике мифа» сказано то самое, что ежедневно печатается в прессе политиканствующих эмигрантов, предателей трудового народа в прошлом, готовых предать его еще раз и завтра. Не считаясь с тем, что даже классовые враги Союза Советов признают факт культурного возрождения русской трудовой массы, философ Лосев пишет: «Россия кончилась с того момента, как народ перестал быть православным. Спасение русского народа я представляю себе в виде «святой Руси». Но что же такое, по мнению Лосева, представляет русский народ? Народ этот он характеризует так: «Рабочие и крестьяне безобразны, рабы в душе и по сознанию, обидно скучны, подлы, глупы. Им свойственна зависть на все духовное, гениальное, матерщина, кабаки и циничное самодовольство в невежестве и бездействии».

Прежде всего о роли религии в развитии общества. Последовательный атеист и поклонник Разума, Радио, М. Горький выступает как яростный противник церкви, являющейся «гасительницей разума» и заставляющей все принимать на веру. Но церковь и религия — не одно и то же. И наше общество с неизбежностью пришло к тому моменту в своем развитии, когда стало ясно, что религия в известной мере выступает как средство нравственно-философского возвышения человека, укрепления его внутренней самодисциплины. Не так ли понимал значение религии и сам Горький на рубеже 1900—1910 годов, когда увлекался богостроительством? Ведь Бог в его представлении тогда был выразителем высших потенций человечества.

Ленин резко критиковал Горького за «заигрывание с

лонное стремление не созерцать, но переделывать действительность. Интеллигентность, возникающая на основе чувства общечеловеческого благоденствия, не может не видеть всех несовершенств жизни и ни в коем случае не может оставаться к ним равнодушной. Для этого интеллигенту не нужно даже много размышлять. Интеллигентность есть в первую очередь инстинктивное чувство жизненных несовершенств и инстинктивное к ним отворачивание».

Но разве это не то же, что горьковская проповедь действенного отношения к жизни?.. Тем озорчательнее, что жизненная концепция Горького по мере его развития все больше смыкалась с официальной идеологической доктриной. Нет, разумеется, М. Горький не превращался в прямолинейного, так сказать, «один к одному» выра-

Таким «домом творчества» стал Беломорканал для Лосева (с чувством некоего чужеродия профессионального отворачивания должен он был выводить на конверте исковерканные «неологизмы», отнюдь не обогащающие русский язык: «Свирлаг (Беломорлаг) — Воровлянка (Сиблаг)»...) (письмо от 22 января 1932 г.).

«Человек — вечная проблема, которая вечно решается и которая никогда не будет решена... А зачем окончательное решение? Чтобы перестать стремиться? Чтобы перестать быть проблемой?»

Энциклопедически образованный ученый А. Лосев, увы, не усвоил одной простой истины: если человек и был вечной проблемой, то наступил в истории цивилизации момент, когда проблема эта казалась решенной раз и навсегда. И это скоро

софа. Кто я и что я такое? И еще страшнее вопрос: что я буду через «10 лет» и даже не через 10, а через 5, через 3 и даже через год? Озлобление и духовное оцепенение, нарастающее изо дня в день, может привести к непоправимой духовной катастрофе, из которой уже нельзя будет выбраться на прежний путь. Я закован в цепи в то время, как в душе бурлят непотопленные и неистощимые силы и творческие порывы, в уме кипит и напирают новые, все время новые и новые мысли, требующие физических усилий для их осознания и оформления, а сердце, несмотря на холод и тоскливые сумерки теперешней моей жизни, неустанно бьется в унисон с какими-то мировыми, вселенскими пульсами, манящими в таинственную даль небывалых чувств, восторгов, созерцаний, красоты и силы духовных взлетов, умиления и подвига. Я меньше всего устал. Не чувствую никакой усталости. Наоборот, ощущаю кипение духовных и душевных сил и напор к работе, к творчеству... но невозможность проявить себя... удручает меня, озлобляет, обворачивает мою душу, лишает ясности самосознания и производит изнашивание свободное развивающегося духа».

А. Ф. Лосева арестовали в 1930 году, и полтора года он провел во внутренней тюрьме на Лубянке. В 1931 году после выступления Л. М. Кагановича на XVI съезде партии был осужден на 10 лет лагерей. Однако в 1933 году его освободили и даже сняли судимость.

Решающая роль в освобождении Лосева из заключения принадлежит прежде всего Екатерине Павловне Пешковой, а также Марии Ильиничне Ульяновой. Помогали им в подобных делах и легендарная народолюбка Вера Фигнер, проводившая 20 лет в мрачных казематах Шлиссельбургской крепости.

Горький не одобрял деятельности своей бывшей супруги — а знать о ее работе он знал: виделись они довольно часто. Екатерина Павловна при встрече с Роменом Ролланом жаловалась ему на «неприязненное отношение Горького к ее работе в политическом Красном Кресте. Он считает, что нельзя вмешиваться в государственные дела». Действительно, — продолжает свою запись в дневнике Ромен Роллан, — у госпожи Пешковой связаны руки: она почти ничего не может больше сделать. В отличие от нее Ягода по просьбе госпожи Пешковой или моей мог бы добиться смягчения наказаний; но госпожа Пешкова не может примириться с тем, что эти исключения делаются из одолжения, в то время как этого требует общечеловеческий долг... Госпожа Пешкова проводит четкое различие между тем, что делается в отношении уголовных преступников, которых перевоспитывают, — и судьбой политических заключенных, для которых не делается ничего».

Тем выше мы должны оценить деятельность Е. П. Пешковой, что ее усилия не могли вызвать благоприятного отношения начальства. Да и к тому же в прошлом сама она являлась членом партии эсеров.

Нетрудно представить, в каком плане мог сложиться разговор между бывшими супругами об одном из политических — Лосеве, особенно после того, как появилась в печати статья Горького «О борьбе с природой»...

Величие А. Лосева состояло в том, что, гонимый, лишенный официального признания, он остался верен своей мысли. Падение Горького состояло в измене своим «несвоевременным мыслям» 1917—1918 годов.

Вадим БАРАНОВ, советник Содружества союзов писателей.

Лосев и Горький

Недавно скончавшийся выдающийся русский философ и филолог Алексей Федорович Лосев — автор фундаментальной

«Истории античной эстетики» в 7 томах, за которую в 1986 году был удостоен Государственной премии. Он прожил долгую

и трудную жизнь. Особую роль в его судьбе сыграл Максим Горький...

боженькой». Это была критика не столько со стороны философа, сколько со стороны революционера — политика. На нынешнем этапе духовного развития страны и человечества наши представления изобавились от былой, во многом неизбежной и обусловленной обстоятельствами прямолинейности и односложности. Но именно эти-то далеко не самые сильные проявления человеческого духа все активнее утверждались тогда. Все сильнее начинала господствовать Ее величество Схема, некий безобразно выполненный социологический чертеж, согласно которому и надлежало строить новое.

Что касается оценок А. Лосевым русского народа, то их односторонность очевидна. Но и тут следовало бы брать суждения философа как часть общей системы его рассуждений, имевших явно антиказарменный, антиадминистративный характер. Может быть, спасительный адрес исцеления (религия) был и не совсем точен, но главный грех автора состоял в конце концов не в этом, а в том, что он не видел возможности возрождения лучших качеств народа в условиях нарождающейся административно-командной системы.

И все же, вряд ли справедливо было бы видеть в Горьком только «представителя власти», а в Лосеве — только диссидента. Они не только антиподы. И если уж труд, из-за которого философ попал в опалу, назывался «Диалектикой мифа», то не станем забывать и диалектику как категорию не только научного мышления, но и повседневного человеческого бытия. А. Лосев и М. Горький союзники в главном — в позиции по отношению к жизни, если можно так выразиться, к жизнотворчеству.

У А. Лосева есть работа «Об интеллигентности», и один из ее главных постулатов таков: «Интеллигентность и переделывание действительности». «Культурную значимость интеллигентности... в наиболее общей форме можно обозначить как постоянное и неук-

зителя главенствующей воли. Слишком велик он был прежде всего как личность и как художник. И все-таки идеологическое доктринство все более сдерживало свободу движения его мысли. А мысль, лишенная свободы движения, — это уже не совсем мысль. Это уже, так сказать, мысль идеологизированная. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вот еще отрывок из письма Лосева жене с Беломорканала:

«Очень хочется рассказать тебе, что я придумал в области диалектики теории функций комплексного переменного. Помнишь, когда-то, лет 7—8 назад, когда ты занималась теорией аналитических функций, ты обратила мое (и свое) внимание на ряд чрезвычайно загадочных и глубоких в философском отношении учений в этой области. Теперь многие из этих учений (интегрирование по контуру, теоремы Моавра, Грина, Спенса и др.) я продуцировал философски и привел их в стройную диалектическую систему. Надо обязательно дать тебе их на проверку и на благословение, так как все эти мысли — из нашей общей с тобой науки, которая есть сразу и математика, и астрономия, и философия, и общение с «вселенским и родным» (как сказал бы Вяч. Иванов). Книга эта по диалектике аналитич. функций, написанная мною пока в уме, посвящена, конечно, тебе. Да и какая теперь книга моя не будет посвящена тебе? Все ведь освящено памятью о тебе и все делается ради будущей встречи в жизни с тобой. Помнишь, как у тебя зародилась любовь к математике под влиянием твоего гимназического учителя. И помнишь, как ты под влиянием встречи со мною полюбила философию и музыку. Пусть обстоятельства жизни еще не привели тебя к тому, чтобы ты создала что-нибудь самостоятельное в математике и философии. Но ведь все то, что создавал я, принадлежит тебе не меньше, чем мне. И никому другому, как тебе, я обязан тысячами отдельными мыслями и чувствами, отдельными теориями рассудочных и опытных. Кроме того, мы слишком любим с тобой математику, чтобы сделать из нее ремесло. Радость моя, Имя, Число, Миф — стихия нашей с тобой жизни, где уже тонут отдельные мысли и внутреннее стремление и водворяется светлое и безмысленное безмолвие вселенской ласки и любви».

Можно подумать, что письмо о сложнейших проблемах науки, завершающееся словами о «вселенской ласке и любви», написано откуда-нибудь из санатория или дома творчества.

докажет другой философ в своем «гениальном» труде «О диалектическом и историческом материализме», который украсит «Краткий курс» истории партии.

А пока таким, как А. Лосев, место там, где исчезает дух вольномыслия, где причащаются думать не так, как думается, а так, как надо.

Что ж, было немало и таких, кто, уцелев и оказавшись на свободе, начинал мыслить именно так, усвоив самую главную истину: плетью обуха не перешибешь. Были, однако, и другие... Те, чья мысль не могла смириться, не могла перестать быть мыслью, а не ее официальным подобием. Человеческая мысль всегда свободна, и именно здесь — главное выражение свободы человеческого духа. Но Мысль всегда ищет скорейших и наиболее полных путей самореализации. И здесь таится источник внутреннего протеста, ведущего в конце концов к дерзновенному бунту, к попытке переделать обстоятельства, устранить препятствия на пути Мысли...

Эзк Лосев, ночной сторож лагерных сараев, слушающий монотонный скрип снега под ногами, погружался в созерцание безмерного звездного неба. И его начинала одолевала же с чем не сравнимая жажда жить, страстное желание постигнуть тайны вселенского бытия и написать книгу «Звездное небо и его чудеса»... Но приходилось возвращаться на грешную землю — и с чем же сталкиваться на ней? А. Лосев пишет жене спустя месяц после того письма, цитату из которого мы уже приводили:

«19 февраля 1932 г. Свирлаг — Боровлянка. В расцвете сил, на пороге новых и еще небывалых творческих работ, мы зверски избиты и загнаны в подполье — кем же? Не скрою от тебя (и не хочу, не могу скрывать), что душа моя полна диного протеста и раздражения против высших сил, как бы ум ни говорил, что всякий ропот и бунт против Бога бессмыслен и нелеп. Кто я? Профессор? Советский профессор, которого отвергли сами Советы! Ученый? Никем не признанный и гонимый не меньше шпаны и бандитов! Арестант? Но какая же сволочь имеет право считать меня арестантом, меня, русского фило-